

ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ

ДЖОРДЖ СОРОС

«ФОНД»
ДЛЯ
РОССИИ

ЧТО БЫЛО,
ЧТО БУДЕТ

Опасное знание

Джордж Сорос

**«Фонд» для России.
Что было, что будет**

«Алисторус»

2015

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Сорос Д.

«Фонд» для России. Что было, что будет / Д. Сорос —
«Алисторус», 2015 — (Опасное знание)

Деятельность Джорджа Сороса, американского финансиста, одного из богатейших людей планеты, вызывает неоднозначную оценку в разных странах и различных кругах общества. Он сыграл важную роль в падении коммунистических режимов в Восточной Европе в ходе «бархатных» революций 1989 года; в России в 1990-е годы Сорос во многом определял ход реформ. Влияние Сороса в мире очень велико и теперь. В книге, представленной вашему вниманию, Джордж Сорос пишет о кризисе, который переживает Россия. Сорос утверждает, что санкции против России в совокупности с падением цен на нефть нанесли громадный ущерб российской экономике, но это еще не предел. «Будет неудивительно, если этот кризис приведет к дефолту в России», – предрекает он. Комментарии дает В. Ю. Катасонов, профессор МГИМО, доктор экономических наук, известный писатель и публицист.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

© Сорос Д., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Крах Советского Союза	8
«Фонд открытого общества» и крах коммунизма	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джордж Сорос

«Фонд» для России. Что было, что будет

© Сорос Дж. (Soros G.), 2015

© Перевод с английского

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

Образец спекулянта и пророк «посткапитализма», финансист и философ, Джордж Сорос одновременно вызывает ужас и восторг. Он владеет состоянием в 7 миллиардов долларов, ответствен за фондовые кризисы и занимается меценатством в пяти десятках стран. Одновременно он участвует в многочисленных сменах режимов, при этом его обвиняют, что он действует в качестве ширмы для ЦРУ.
Тьерри Мейсан

Джордж Сорос родился в Будапеште 12 августа 1930 году в еврейской семье, отец Джорджа был адвокатом. Во время Второй мировой войны благодаря фальшивым документам, изготовленным отцом, семья Сороса избежала преследования нацистами, а в 1947 году эмигрировала в Англию.

Одни из первых работ будущего миллиардера были: продавец, помощник менеджера, коммивояжер. В 1953 году Джорджу наконец улыбнулась удача: он стал директором инвестиционной компании Singer & Friedlander. Фирма торговала акциями золотодобывающих компаний.

В 1956 году Сорос приехал в США по приглашению отца его лондонского друга, некоего Майера, который имел свою небольшую брокерскую фирму на Уолл-стрит. Карьера в США началась с международного арбитража, то есть покупки ценных бумаг в одной стране и продажи их в другой. В 1966 году Сорос создал инвестиционный фонд с капиталом в 100 тысяч долларов. Получив значительную прибыль за три года работы, в 1969 году Сорос становится руководителем и совладельцем фонда «Дабл Игл», переросшим впоследствии в знаменитый «Квантум» (Quantum Fund).

Самая известная финансовая операция Дж. Сороса была проведена в 1992 году против британского фунта стерлингов. Для Англии эта операция закончилась потерей свыше одного миллиарда долларов, девальвацией фунта. Европа же отделалась девальвацией дюжины европейских валют и отсрочкой введения единой евровалюты, которое отложили... на 5 лет.

Многие экономисты считают, что к кризису 1995 года в Мексике тоже приложил свою руку Дж. Сорос, может и не в качестве главного игрока, а только вдохновителя и организатора.

В 1996 году очень удачная валютная операция была проведена с японской иеной. Сорос воспользовался фундаментальными противоречиями японской экономики: с середины 1995 года иена начала стремительно расти по отношению к доллару – с 128-и до 78-и иен за доллар к лету 1996 года. Сорос предугадал скорую девальвацию валюты и получил громадную выгоду (он покупал на доллар 110–120 иен, а выкупал доллары уже за 80–90 иен, в результате сорвал солидный куш: 20 % дохода с суммы в 15–20 миллиардов долларов).

В августе 1998 г. после публикации в газете «Файнэншл таймс» статьи Сороса о необходимости девальвации рубля, – российский рынок отреагировал почти мгновенно, в России случился дефолт.

В декабре 1999 года «Квантум» сыграл на повышение индекса NASDAQ, и к февралю 2000 года активы фонда выросли с 6 до 10,5 миллиардов долларов.

В одном из своих интервью, в мае 2003 года, Сорос признался, что начал играть против доллара, заодно предсказав, что к концу года курс американской валюты по отношению к евро падет до отметки 1,25. В самом конце декабря курс EUR/USD действительно достиг этого уровня.

Фонд «Квантум», возглавляемый Джорджем Соросом, принес самую большую прибыль за всю историю существования хедж-фондов. С момента основания фонда в 1973 году вклад-

чики «Квантум» получили в общей сложности 32 миллиарда долларов (по 900 миллионов долларов в год).

Сегодня Джордж Сорос известен не только как финансист, но и как филантроп. Созданный им фонд Open Society Fund стал началом его благотворительной карьеры. На сегодняшний день, более чем в 25-и странах успешно работают финансируемые им благотворительные организации. В научных кругах Сорос известен также как социальный мыслитель, автор ряда книг и статей, для которого основополагающей ценностью и центральной идеей является становление открытого общества в посткоммунистическом мире.

Сорос по-прежнему очень внимательно следит за мировой экономикой и вносит свои предложения по ее усовершенствованию. Однако эта работа явно противоречит его практике – разорению компаний и экономик целых стран. В 1997 году в период азиатского финансового кризиса тайские националисты окрестили Сороса «экономическим военным преступником».

Крах Советского Союза

«Фонд открытого общества» и крах коммунизма (из книги Дж. Сороса «Советская система: к открытому обществу»)

В настоящий момент человечество переживает решающий, поворотный момент в своей истории. Политическая карта мира, сложившаяся после Второй мировой войны, радикально перекраивается. Процесс, который набирал обороты на протяжении десятилетий, ускорился настолько, что его можно назвать революцией. События разворачиваются так быстро, что за ними трудно уследить.

Уничтожение старой (советской) системы – вопрос более или менее решенный. Сейчас решается, какой быть новой. Удастся ли заменить старые структуры новыми, чтобы различные национальности могли жить в мире – как добрые соседи вместе, на одной земле? Или, может, распад будет продолжаться до тех пор, пока не выльется в гражданскую войну?

К сожалению, если процесс пойдет по линии наименьшего сопротивления, последнее весьма вероятно.

Чтобы создать новую систему, необходимы время и силы, а и того, и другого мало. Я твердо убежден, что только *deus ex machina* в виде помощи с Запада может сместить чашу весов в сторону конструктивного решения. Этим убеждением я руководствовался в своих действиях.

Степень моего участия в историческом процессе, о котором я здесь говорю, увеличилась по мере его нарастания. Я начал с робких попыток проковырять небольшие трещины в монолитной структуре коммунистической системы, исходя из убеждения, что для косной структуры даже маленькая трещина может иметь значительные последствия. По мере того как трещины углублялись и расползались по монолиту, я увеличивал усилия, пока эта работа не стала занимать большую часть моего времени и сил...

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я должен вкратце информировать о своей деятельности. Я не могу гарантировать историческую точность всех деталей, особенно дат, потому что намеренно не вел никаких записей, сознательно письменно не фиксировал события. Меня больше интересовало то, что я делал, чем созерцание того, как я это делаю. Я почувствовал здесь ловушку для себя и постарался ее избежать. Может быть, поэтому у меня ужасная память. Такое впечатление, что я обучил себя смотреть вперед, а не назад.

Я начал заниматься благотворительностью, когда был преуспевающим менеджером одного международного инвестиционного фонда и зарабатывал денег больше, чем мог потратить. И я начал думать, что мне с этими деньгами делать. Идея основать фонд мне нравилась, потому что мне всегда казалось, что обязательно нужно делать что-нибудь для других людей, если позволяют средства. Я был убежденным эгоистом, но считал, что преследование только собственных узких интересов – слишком мелко для моего довольно раздутого «я». По правде сказать, меня с детства достаточно сильно одолевали какие-то мессианские фантазии. Я всегда понимал, что должен не давать им особенно овладевать собой, чтобы не оказаться в психушке. Но когда я уже твердо встал на ноги, мне захотелось в меру своих финансовых возможностей позволить себе удовольствие осуществить некоторые из этих фантазий.

С самого начала мне пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Еще когда я пытался выбрать какое-нибудь благородное дело, на которое стоило бы потратить деньги, то вдруг обнаружил, что не принадлежу ни к какой общине. Американцем я так и не стал, из Венгрии давно уехал, а еврейское мое происхождение было для меня просто еврейским происхождением, не выражаясь в той верности роду, которая побуждала бы меня помогать Израилю. Напротив, я гордился тем, что принадлежу к национальному меньшинству, что являюсь аутсайдером, который способен встать и на другую точку зрения.

Способность критически мыслить и не быть зашоренным – была единственной положительной стороной в моем опасном и унижительном положении венгерского еврея во время второй мировой войны. Я понял, что всей душой поддерживаю концепцию открытого общества, в котором такие люди, как я, могут жить свободно, не подвергаясь оскорблениям и безжалостным гонениям. Поэтому свой фонд я назвал Фондом открытого общества. У него следующие цели: поддерживать жизнеспособность и стабильность открытых обществ и помогать открывать закрытые общества.

Я был довольно скептически настроен относительно благотворительной деятельности. Время, когда я был нищим студентом в Лондоне, не прошло для меня бесследно. Я обратился тогда к Еврейскому совету попечителей с просьбой о денежной помощи, но они мне отказали, объяснив, что помогают только тем, кто осваивает какое-нибудь ремесло, а студенты к этой категории не относятся. Однажды на Рождество я подрабатывал носильщиком на вокзале и сломал ногу. Я решил, что это тот самый случай, когда можно вытянуть деньги из этих типов. Я сказал им, будто работал нелегально, когда сломал ногу, а поэтому не имею права воспользоваться «государственным вспомоществованием». В этом случае у них не было оснований отказать мне, но уж помучиться они меня заставили. Мне пришлось каждую неделю подниматься на третий этаж на костылях, чтобы получить эти деньги. Через некоторое время они отказались мне выплачивать пособие. Я послал председателю совета попечителей душераздирающее письмо, в котором написал, что, конечно, с голоду не умру, но мне обидно, что евреи так относятся к своему собрату, попавшему в беду. Председатель обещал, что мне будут посылать еженедельное пособие по почте и мне не надо будет ходить за ним. Я милостиво согласился, и даже когда с ноги сняли гипс, и я успел смотаться автостопом на юг Франции, я все не спешил отказываться от денег совета.

* * *

Я много вынес из этого эпизода моей жизни, и, когда основал собственный фонд, этот опыт сослужил мне хорошую службу. Я понял тогда, что задача заявителя – выудить деньги из фонда, а задача фонда – этих денег ему не дать. Еврейский совет попечителей провел всестороннее и тщательное расследование относительно меня, но проморгал тот факт, что я получал также деньги от Управления по оказанию государственного вспомоществования. Именно это позволило мне принять такой тон морального негодования в моем письме к председателю, хотя на самом деле я ведь лгал. Я также обнаружил, что благотворительность, как и все остальные человеческие предприятия, может иметь непредвиденные и нежелательные последствия. Парадокс, связанный с благотворительностью, заключается в том, что она превращает получателей, вроде моего друга, в объекты благотворительности. Этого можно избежать двумя путями. Один – это предельно бюрократизироваться, как Фонд Форда, а другой – вообще не давать о себе знать: раздавать гранты, не заявляя о своем существовании, не объявляя никаких конкурсов, – оставаться анонимом. Я выбрал второй путь.

Свою благотворительную деятельность я начал в Южной Африке, в Кейптаунском университете, который я выбрал как организацию, приверженную идее открытого общества. Я учредил стипендии для студентов-черных, причем достаточно много, так что это было ощу-

тимо для университета. Однако этот проект не оправдал моих ожиданий, потому что администрация университета оказалась не такой радикальной, как она заявляла, и мои деньги большей частью пошли на помощь уже принятым в университет студентам и лишь частично для привлечения новых студентов. Но, по крайней мере, вреда это не принесло.

В то время я занимался также проблемой прав человека в качестве члена и спонсора групп наблюдения за соблюдением соглашения в Хельсинки. Мой только что созданный Фонд открытого общества предложил ряд стипендий в Соединенных Штатах инакомыслящим интеллектуалам из Восточной Европы, и именно эта программа натолкнула меня на мысль организовать фонд в Венгрии. Очень скоро мы столкнулись с проблемой отбора кандидатов. Мы вынуждены были основываться на устных рекомендациях, что, конечно, не самый справедливый путь. И тогда я решил попробовать создать отборочную комиссию в Венгрии и учредить открытый конкурс. Я обратился к послу Венгрии в Вашингтоне, который связался со своим правительством, и, к моему величайшему удивлению, мне было дано разрешение.

Когда я поехал в Венгрию вести переговоры, в моем распоряжении было «секретное оружие»: стипендиаты Фонда открытого общества горели желанием помогать. Со стороны правительства моим партнером на переговорах был Ференц Барта, который занимался внешнеэкономическими отношениями. Он относился ко мне как к бизнесмену-эмигранту, которому он очень хотел оказать услугу. Он свел меня с руководством Академии наук Венгрии, и вскоре мы заключили соглашение между академией и только что созданным Фондом Сороса в Нью-Йорке (мы решили, что название «Фонд открытого общества» может вызвать нежелательную реакцию). Был учрежден совместный комитет с двумя сопредседателями: одним из них стал представитель академии, другим – я. В комитет вошли независимо мыслящие венгерские интеллектуалы, чьи кандидатуры были одобрены обеими сторонами. Обе стороны получили право налагать вето на любое решение комитета. Также предполагалось создать независимый секретариат, который должен был функционировать под эгидой академии.

Мне очень повезло с помощниками. Я сделал своим личным представителем Миклоша Васарелия, который был пресс-секретарем в правительстве Имре Надя в 1956 году и который был осужден вместе с ним. Он тогда работал научным сотрудником в одном академическом институте и хотя официально войти в комитет он не мог, ему разрешили быть моим личным представителем. Это был один из старейших политических деятелей неофициальной оппозиции, но в то же время он пользовался уважением аппарата. У меня также был очень хороший юрист, Лайош Дорнбач, безраздельно преданный нашему делу, как и ряд других людей, которые понимали назначение фонда даже лучше, чем я...

Не мне оценивать социальную и политическую важность фонда. Я могу представить только субъективное суждение. Наш успех превзошел мои самые смелые мечты. Получилась действенная, без сбоев работающая организация, полная энергии и решительности. По окончании организационного периода мне не приходилось тратить на нее много времени; она работала сама по себе. Было очень приятно принимать решения, зная, что они будут выполнены. Еще большим удовольствием было случайно узнавать о каких-то хороших делах, которые фонд делает без моего ведома. Однажды, по дороге из Будапешта в Москву, я разговорился с цыганом, который сидел рядом со мной в самолете. Я был поражен его необычайной образованностью. Он оказался этнографом, собирающим цыганские народные танцы. Когда он узнал мое имя, то сообщил мне, что эту поездку финансирует фонд. А в аэропорту в Москве я встретил что-то около 18-и венгерских экономистов, которые ехали в Китай на стажировку, также финансируемую фондом. И все это в один день.

* * *

Вдохновленный успехом венгерского фонда, я решил посмотреть, не созрел ли Китай для подобного фонда. Я встретился с Лиань Хенгом, автором «Сына революции», весной 1986 года, как раз перед его поездкой в Китай. Он установил хорошие контакты с реформаторами, и в результате восемнадцать китайских экономистов получили приглашение от венгерского фонда посетить Венгрию и Югославию с целью изучения хода реформы в этих странах. Визит был очень удачным, потому что контакты проходили не по официальным каналам, и китайские экономисты получили очень хорошее представление о том, что на самом деле происходит. Я встречался с ними в Венгрии и обсудил концепцию фонда с Чен Идзи, главой Института экономической реформы. Потом я поехал в Китай с Лиань Хешом, которого попросил быть моим личным представителем, и организовал фонд по венгерской модели. Институт Чен Идзи стал моим партнером. Бао Дун, главный помощник Чжао Цзяня, помог быстро справиться с бюрократической волокитой, и фонд был сразу же утвержден.

И он, и фонд в результате имели много неприятностей, потому что политические противники Бао Дуна попытались использовать фонд в качестве предлога для нападок на него. Они подготовили подробное досье, в котором утверждалось, будто Сорос является агентом ЦРУ и антикоммунистическим заговорщиком. Бао Дун контратаковал и представил подробнейший материал о других моих фондах в доказательство моих честных намерений. Это было не очень сложно, потому что я никогда не делал тайны из моих намерений. Однако некий высший партийный совет в Пекине решил ликвидировать фонд и возместить деньги. Понадобилось личное вмешательство Чжао Цзяня, чтобы отменить это решение. Он устроил так, что Чен Идзи ушел с поста сопредседателя, а вместо Института экономической реформы нашим партнером стал Международный центр по культурным обменам, чей председатель оказался одним из высокопоставленных чиновников службы госбезопасности...

После событий на площади Тяньаньмэнь, фонд использовался в качестве одного из главных обвинений против Чжао Цзяня и Бао Дуна. Против Чжао, как мне известно, было три обвинения. Одно было в «буржуазном уклонизме», потому что он слишком потакал студентам, другое обвинение было в выдаче государственных секретов, так как он якобы сказал Горбачеву, что Дэн Сяопин все еще держит в своих руках большую власть, и, наконец, последнее обвинение – в государственной измене, потому что он позволил работать фонду. Государственная измена всегда влечет за собой смертную казнь. Когда я услышал об этом от Чен Идзи, которому удалось бежать, я написал Дэн Сяопину письмо, предлагая защитить свое имя, приехав в Китай и представив им любую информацию, которая им может понадобиться. Мое письмо было опубликовано в «Бюллетене партийных документов», у которого очень большой тираж, что свидетельствует о том, что обвинение было снято. Однако все это было весьма неприятно.

Теперь уже, оглядываясь назад, я понимаю, что сделал ошибку, открыв фонд в Китае. Китай не был готов к нему, потому что там не было независимой или инакомыслящей интеллигенции. Люди, на которых я строил фонд, были членами одной из партийных фракций. Они не могли быть совсем уж открыты и честны со мной, потому что их основным долгом был долг перед своей фракцией. Фонд не мог стать организацией гражданского общества, потому что гражданского общества фактически не существовало. Было бы гораздо лучше дать дотацию непосредственно институту Чен Идзи, который заслуживал поддержки.

* * *

Вскоре после Китая я организовал фонд и в Польше. В рамках Фонда открытого общества очень успешно действовала программа стипендий и стажировок в Оксфорде для Польши

под руководством доктора Збигнева Пельчинского, кроме того, я финансировал и некоторые другие польские программы. Пельчинский, который часто ездил в Польшу, убедил меня открыть фонд и в Польше.

Я думал, что это будет легко: Пельчинский был готов взять на себя переговоры с правительством, а у меня были свои связи с гражданским обществом. Однако все вышло не так. Поляки настаивали на том, чтобы фонд был абсолютно независим от правительства, и я всемерно поддерживал их желание. Фонд был учрежден, но не мог функционировать, он даже не мог найти здание под офис. Члены комитета заседали-заседали, но практически не продвинулись. Также среди членов правления не было согласия относительно сферы деятельности и фонда. Некоторые члены правления стремились заниматься только академической деятельностью, другие хотели более широкого диапазона задач. Без четко очерченной сферы деятельности и обозначенных приоритетов фонду не удалось стать инструментом гражданского общества.

Я знал об этой проблеме, но у меня не было времени и сил, любви ею заниматься. Когда «Солидарность» пришла к власти, я попросил правление подать в отставку и отдал фонд в руки другой команды под руководством Збигнева Буяка, в прошлом руководителя «Солидарности» и в Варшаве, при котором, я надеюсь, фонд наконец обретет свое лицо.

Я лишь время от времени, на день или на два, приезжал в Варшаву. Однако я почти сразу установил тесный личный контакт с главным советником Валенсы Брониславом Геремеком. Меня также принимал генерал Ярузельский и дал моему фонду свое благословение. У нас была очень интересная беседа. Я спросил, почему бы ему не сесть за стол переговоров с «Солидарностью». Он сказал, что готов вести переговоры практически с кем угодно и пытался наладить диалог через церковь. Однако лидеры «Солидарности» – это предатели, которые организовали экономические санкции со стороны западных государств, и он не хочет иметь с ними дела. Я сказал ему, что встречался с Геремеком и что у него очень позитивный настрой на достижение какого-то компромисса именно потому, что экономика в таком ужасном положении и среди населения растет недовольство. Он знал гораздо больше о Геремеке, чем я. «Он поменял свою религию, когда был уже зрелым человеком, он не мог сделать это по убеждению. Я тоже менял свои убеждения, но это было в молодости». Я выразил сожаление по поводу того, что у него такая сильная личная антипатия, потому что это может помешать им достичь компромисса. При демократическом строе можно управлять, имея менее пятидесяти процентов голосов, но когда нет демократии, нужно, чтобы за вами шел весь народ. А без «Солидарности» этого добиться было невозможно. Я сказал ему, что для «Солидарности» переговоры с правительством будут очень огромным риском, потому что любая экономическая программа означает серьезные сокращения в тяжелой промышленности, а это отразится на рабочих, которые составляют костяк «Солидарности». Несмотря на это, они были готовы пойти на этот риск, потому что вопрос стоял о будущем страны. Довод относительно политического риска, который будет грозить «Солидарности», произвел на него глубокое впечатление. Как я узнал позднее, на следующий день он повторил его на заседании Политбюро.

* * *

То количество времени, денег и сил, которые я вложил в преобразование коммунистических систем, возросло неизмеримо, когда я решил основать фонд в Советском Союзе. На эту мысль натолкнул меня телефонный звонок Горбачева Сахарову в Горький в декабре 1986 года, когда он попросил его «возобновить свою деятельность на благо Родины в Москве». (Сахаров сказал мне позднее, что телефонную линию установили специально для этого звонка предыдущей ночью.) Тот факт, что его не выслали за границу, говорил о том, что произошли значительные перемены.

Я надеялся, что Сахаров будет моим личным представителем в Советском Союзе. Я поехал в Москву в начале марта 1987 года в качестве туриста. У меня было два рекомендательных письма от Алердинка, голландца, фонд которого занимается контактами восточных и западных средств массовой информации. Одно письмо было к высокопоставленному чиновнику в АПН, а другое к Михаилу Бруку, доверенному лицу Арманда Хаммера в Советском Союзе. У меня также были имена ряда диссидентов и независимо мыслящих людей, которые не боялись общаться с иностранцами. Ситуация не очень отличалась от той, что была десять лет назад, когда я приехал в Советский Союз в первый раз. Телефон зазвонил практически в ту самую минуту, как я вошел в номер. Это был Михаил Брук. Я удивился, откуда он узнал, что я приехал. Он прекрасно говорил по-английски и переводил мне в АПН. Чиновник в АПН упомянул Фонд культуры СССР, недавно учрежденную организацию, которую патронировала Раиса Горбачева. Мне показалось, что стоит попробовать, и я попросил помочь мне встретиться с кем-то из Фонда культуры. У него на столе стояло несколько телефонов; он придвинул к себе один из них и сразу же договорился о моей встрече с заместителем председателя, Георгом Мясниковым, пожилым человеком с большим приятным лицом и исключительно любезными манерами. Я рассказал ему, как работает фонд в Венгрии, и показал наши материалы. Он очень внимательно к этому отнесся, и примерно через час мы уже обсуждали детали.

У меня также было несколько интересных неофициальных встреч. Внук бывшего члена Политбюро Микояна познакомил меня со своим лучшим другом, который когда-то был блестящим ученым, но ушел из науки. Он называл себя «спекулянтом» и фактически был маргиналом. Я также познакомился с одним молодым ученым, который назначил мне встречу на переполненной станции метро. Я разговаривал с ведущими диссидентами – Сахаровым, Григорьянцем и Львом Тимофеевым, но у них мой проект вызвал довольно большие сомнения. Сахаров сказал, что мои деньги лишь пополнят казну КГБ. Он отказался от личного участия в фонде, но обещал помочь с выбором членов правления. Я предупредил Мясникова из Фонда культуры: если они хотят, чтобы я продолжал организовывать фонд, они должны прислать мне официальное приглашение.

Когда я прилетел в Москву в следующий раз, в аэропорту меня встретил только что назначенный заместитель председателя Фонда культуры Владимир Аксенов. Это был довольно молодой человек. У нас с ним почти сразу же установились хорошие взаимоотношения. Он оказался поклонником Михаила Месаровича, ведущей фигуры в теории сложных систем и моего друга. Это сразу сблизило нас. Он стал настоящим энтузиастом идеи фонда. «Если бы вы не появились сами, нам пришлось бы вас выдумать», – сказал он мне. Я по очереди встречался с предполагаемыми членами правления, но мне было не по себе, потому что я чувствовал, что не установил нужной связи с гражданским обществом. По правде говоря, я стал сомневаться, существует ли гражданское общество вообще.

* * *

Поворот осуществился в августе, когда большая делегация из Советского Союза была проездом в Нью-Йорке по пути на конференцию советско-американской дружбы в Чаппадуике. Среди них была Татьяна Заславская, с которой я очень хотел познакомиться. Я пригласил к себе всю делегацию и моя жена, Сьюзан, устроила обед на 150 человек. Это было зрелище. Было очень тесно, но всем, похоже, прием понравился. Мы договорились встретиться еще раз в Чаппадуике, где мы долго разговаривали и обнаружили, что у нас очень много общего. Мы обсуждали состав правления, и мне показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки. На одном из своих приемов я встретил будущего исполнительного директора нью-йоркского отделения фонда, Нину Буис, известного переводчика русской литературы.

22 сентября 1987 года было полностью сформировано правление. В него вошли: Юрий Афанасьев, историк; Григорий Бакланов, главный редактор журнала «Знамя»; Даниил Гранин и Валентин Распутин, писатели; Тенгиз Буачидзе, грузинский филолог; Борис Раушенбах, специалист по космическим исследованиям и религиозный философ; Татьяна Заславская, социолог. Мясников и я стали сопредседателями, оба с правом вето, а Аксенов и Нина Буис нашими заместителями.

Все члены правления – исключительные люди. Они стали ведущими фигурами в Советском Союзе, они всегда в центре внимания, всегда до предела загружены работой, у некоторых не очень хорошее здоровье. Однако они регулярно приезжали на заседания и проводили там огромное количество времени. Наше последнее заседание было назначено на воскресенье, потому что это единственный день, когда они могут высвободить какое-то время. Они придерживаются очень разных взглядов. Бакланов и Распутин находятся по разные стороны баррикад: заседания правления – единственный случай, когда они соглашаются сидеть друг с другом за одним столом.

А вот с Мясниковым было непросто. С самого начала, как только я ему сказал, что относительно выбора членов правления хотел бы посоветоваться с диссидентами, он высказался против этого. Было сказано немало резких слов, но за обедом он был сама любезность. Всегда безукоризненно вежливый, он в конце концов всегда шел на компромисс.

Я решил, что надо попытаться найти кого-то, с кем бы мы лучше понимали друг друга. Академик Лихачев, председатель Фонда культуры, казался мне идеальной кандидатурой. И я поехал в Ленинград, чтобы с ним встретиться. Это исключительно интеллигентный и образованный человек восьмидесяти трех лет, прошедший через сталинские лагеря. Он бы, конечно, был лучшим сопредседателем, чем Мясников. Когда я попросил его об этом, он позвонил кому-то в ЦК, и, когда тот человек ему перезвонил, я попросил Нину переводить мне разговор. Однако Лихачев на протяжении всего разговора не сказал ни слова, он лишь кивал. Я понял, что оказался свидетелем одного из тех знаменитых телефонных звонков из Кремля, когда тот, с кем разговаривают, может только слушать. Положив трубку, он сказал: «Ничего не поделаешь. Сопредседателем должен быть Мясников».

Тем не менее, мы как-то начали разворачиваться. Рубли для нашей деятельности нам удалось получить в обмен на некоторое количество компьютеров. Вот как это было. Я встретился с главой Института проблем информатики, и он мне рассказал о своих грандиозных планах сделать миллион компьютеров для школ. Почти тут же, не переводя дыхания, он сказал мне, что у него есть разрешение импортировать сто персональных компьютеров РС-АТ фирмы ИБМ, и срок разрешения уже скоро истечет, а у него нет долларов для того, чтобы за них заплатить. Я выразил желание дать необходимые ему доллары, если он даст мне рубли. «Сколько?», – спросил он. Я решил рискнуть. «Пять рублей за доллар». «Договорились». И действительно, в двадцать четыре часа мы подписали соглашение. Я затем полетел в Париж и позвонил в ИБМ, но ИБМ отказалась иметь со мной дело, объяснив это тем, что политика компании исключает торговлю через посредников. Поэтому я купил 200 тайваньских компьютеров в Вене за те же деньги. Как американский фонд, мы подчинялись ограничениям КОКОМ, даже если тайваньские производители и венские посредники им не подчинялись. Я никак не мог добиться решения дела в Вашингтоне, хотя разрешение на ПК уже заканчивалось. В конце концов, я позвонил Джону Уайтхеду, заместителю госсекретаря. Только тогда я получил наконец письмо о том, что никакого разрешения не требуется. Чтобы у читателя не создалось впечатления, что американская бюрократия хуже, чем советская, я должен заметить, что у моего советского партнера было больше трудностей с рублями. Обменный курс пять рублей к доллару был неприемлем для властей, а правительственная организация не имеет права делать пожертвования фондам. Но, в конце концов, после некоторых вмешательств на высоком уровне, мы эти рубли получили.

Однако все эти сложности нам были нипочем, и мы смело начали нашу деятельность. Мы объявили о конкурсе инициатив, и из первых полученных 2000 заявок выбрали сорок для финансирования. Они включали: два проекта по устной истории сталинского периода; архив неправительственных организаций; альтернативную группу городского планирования; ассоциацию адвокатов; потребительскую группу; кооператив по производству инвалидных колясок; ряд исследовательских проектов, связанных с исчезающими языками Сибири, цыганским фольклором, экологией озера Байкал и т. д.

Нелегко также было получить официальный устав для фонда. Есть еще один фонд, пользующийся влиятельной поддержкой, – Международный фонд за выживание и развитие человечества, который отказался работать без устава. В течение года они сражались за свой устав и наконец получили его. Мы попросили, чтобы нам разрешили сделать устав на основе этого, но пришлось добиваться разрешения восемнадцати министерств, что вылилось в шесть месяцев. Но это стоило того. Он дает нам такие большие возможности, что я мог бы сравнить его с уставом Ост-Индской компании...

Все было очень непросто. Каждая мелочь представляла огромную проблему. Но это также было очень интересно и весело. Я познакомился со многими прекрасными людьми. Не знаю почему, но я чувствую какое-то родство с русской интеллигенцией. Мой отец был в России во время русской революции, в основном в Сибири, в качестве бежавшего военнопленного, и от него я, должно быть, впитал что-то от русского духа.

* * *

Мы потратили очень много времени и сил, но фонд наконец начал оформляться. Вскоре мы начали открывать филиалы в республиках. Сначала я поехал в Киев. У меня установились там очень хорошие контакты. На нашей первой встрече ведущие украинские интеллектуалы стали выдвигать свои идеи. Мне пришлось разочаровать большинство из них, и я очень переживал, что был вынужден все время говорить «нет». Но потом они сказали мне, что им это как раз понравилось. «Советский чиновник никогда не говорит «нет». Вы сказали «нет» десять раз в течение десяти минут. Это было просто вдохновение». Вечером они взяли меня с собой на празднование шестидесятилетия украинского поэта Дмитро Павлычко. Несколько сот человек собрались в большом зале, слушали стихи и песни, а затем Павлычко отвечал на вопросы. Все это было похоже на 1848 год.

Во время моей следующей поездки я посетил Эстонию и Литву. Это было больше похоже на официальный государственный визит: я прилетел на частном самолете и съемочная группа «Ста двадцати минут» всюду следовала за мной. Несмотря на это, удалось многое сделать.

Моя деятельность по организации фонда дала мне уникальную возможность наблюдать эволюцию гражданского общества в Советском Союзе. Когда я приехал туда в марте 1987 года, я не мог вообще обнаружить гражданское общество. И не только из-за своей неопытности; сами советские интеллектуалы не знали, что думают люди, не принадлежащие к их узкому кругу. Независимое мышление осуществлялось подпольно. Все это изменилось. Позиции определились и различия прояснились в ходе общественного обсуждения. Все это похоже на сон.

Всегда существует разрыв между мышлением и действительностью. Он всегда образуется, как только участники пытаются понять ситуацию, в которой они участвуют. Этот разрыв, в свою очередь, придает ситуации рефлексивный характер. Таким образом, расхождение между мышлением и фактом является неотъемлемой чертой человека и движущей силой истории.

Советская система долгое время основывалась на систематическом отрицании подобного расхождения. Догма должна была определять и мысль, и действительность, а мысли не разрешалось реагировать на реальность прямо, но только через одну из модификаций господствующей

щей догмы. Это затрудняло реагирование, поэтому и мышление, и действительность сделались чрезвычайно косными. Это привело к возникновению разрыва другого рода: существовала официальная система, в которой и мышление, и действительность регулировались догмой, но также существовали и личные миры отдельных людей или узких групп, в которых расхождение между догмой и действительностью могло признаваться. Было два типа людей: те, которые принимали догму, как она им преподносилась, и те, у кого был свой собственный мир. Два типа достаточно отчетливо разделялись, и обычно я мог почувствовать почти сразу, имею я дело с настоящим человеком или с автоматом.

Когда Горбачев ввел гласность, он расшатал официальную систему мышления. Мышление стало освобождаться от догмы, и людям разрешили выражать свои настоящие взгляды. В результате вновь появился разрыв между мышлением и действительностью. Более того, разрыв стал шире, чем когда-либо, потому что, в то время как интеллектуальная жизнь расцвела, материальные условия ухудшились. Налицо оказалось несоответствие между двумя уровнями, придающее происходящему характер сна. На уровне мышления – всеобщее воодушевление и раскрепощение; на уровне действительности преобладающим ощущением является разочарование: снабжение ухудшается и валится катастрофа за катастрофой. Единственное, что свойственно обоим уровням, – неразбериха и замешательство. Никто точно не знает, какая часть системы уже находится в процессе перестройки, а какая еще работает по-старому; чиновники не смеют сказать ни «да», ни «нет»; таким образом, почти все возможно и почти ничего не происходит. Можно и так описать этот сон, Фонд «Культурная инициатива» имеет такой же ирреальный характер «сна». Почти все разрешено, но почти ничего нельзя осуществить. Научившись действовать в определенных рамках в Венгрии, я был потрясен, когда обнаружил, что, казалось, нет никаких внешних ограничений деятельности фонда в Советском Союзе. На некоторых наших заседаниях присутствовал представитель ЦК, но он был большим поклонником Афанасьева, самого радикального члена нашего правления, и у нас с ним не было сложностей – он никогда не возражал. Это было слишком хорошо, чтобы в это поверить, но, с другой стороны, я давно не был в Венгрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.